

Я.Н. Шевченко

«Китайская модель» развития в официальном и академическом дискурсе: проблема универсальности и самобытности

Аннотация. Усиление роли КНР в глобальных политико-экономических процессах привлекает внимание к китайскому опыту модернизации и возможности «китайской модели» развития выступать альтернативной западному пути.

С учетом отсутствия у понятия «китайская модель» однозначного определения в статье изучаются трактовки этой концепции в официальном дискурсе КНР, а также среди исследователей. Анализ проводится в опоре на партийно-государственные документы и выступления руководителей КНР, а также работы ведущих российских и зарубежных китаеведов. При рассмотрении ключевых институциональных особенностей модернизации КНР акцент исследования сделан на соответствии китайского опыта двум критериям — универсальности и выраженной самобытности.

Ключевые слова: модель развития, китайская модель развития, китайская модель модернизации, теория модернизации, опыт Китая.

Автор: Шевченко Ярослав Николаевич, ассистент кафедры международных отношений Восточного института — Школы региональных и международных исследований (ВИ — ШРМИ) ДВФУ, начальник Отдела аналитического сопровождения международной деятельности ДВФУ. E-mail: shevchenko.ian@dvfu.ru

Yaroslav N. Shevchenko

The “Chinese Model” of Development in the Academic and Official Discourse: Universal Applicability and Independence of the Concept

Abstract. China's increasing role in global political and economic processes draws attention to the Chinese experience of modernization and the possibility of considering the “Chinese model” as an alternative to the Western path.

In the absence of a clear definition of the “Chinese model”, the article reviews its interpretations in the official discourse and academic debate in China. The article analyzes party-state documents, speeches of China's leaders as well as works of leading Russian and international Sinologists. The study examines the key institutional features of China's modernization and questions the degree of correspondence of the Chinese experience to the ‘development model’ criteria of universal applicability and independence of the model.

Keywords: the Chinese model, modernization theory, China's experience.

Author: Yaroslav N. Shevchenko, Assistant Lecturer of International Relations Department, Oriental Institute — School of Regional and International Studies, Head of International Analytics Division, Far Eastern Federal University.
E-mail: shevchenko.ian@dvfu.ru

Несостоятельность западных подходов для обеспечения устойчивого развития так называемого «мирового большинства» сегодня все чаще становится предметом российских и зарубежных дискуссий. В условиях, когда идет активный поиск новых неконвенциональных «моделей развития», все большее внимание привлекает впечатляющий рост Китая и назревает вопрос о возможности копирования опыта модернизации КНР.

Тем не менее с учетом отсутствия у понятия «китайская модель» однозначного определения необходимо изучить трактовки этой концепции в официальном дискурсе КНР, а также среди исследователей-китаистов. Исходя из поставленной цели, статья состоит из четырех параграфов. Перед анализом трактовок «китайской модели» развития в официальном и академическом дискурсе необходимо определиться, какой смысл автор будет вкладывать в понятие «модель развития», для этого в первом параграфе формулируются его определение и критерии. Во втором параграфе изучаются мнения российских и зарубежных исследователей-китаистов относительно существования «китайской модели» развития. В третьем параграфе изучаются трактовки «китайской модели» модернизации в официальном дискурсе КНР и КПК. Четвертая глава рассматривает официальный и академический дискурс относительно отдельных институциональных составляющих «китайской модели».

Понятие «модель развития»: концептуальные основания и типология

Понятие «модель развития» тесно связано с теорией модернизации, которая рассматривает развитие государств исходя из установки, что определенные институциональные факторы могут способствовать социально-технологическому прогрессу и развитию общества.

В связи с этим под «моделью развития» (или «моделью модернизации») будет иметься в виду комплекс самобытных (т. е. кардинально отличных от всех других) и универсальных институциональных практик, ведущих к развитию государства. Важно обратить внимание, что именно универсальность, т. е. пригодность для других государств, отличает «модель развития» от «политической системы», которая подразумевает нормативно-ценностную структуру, на основе которой строятся власть и управление в отдельно взятом государстве.

До второй половины XX в. в социальных науках господствовало представление, что модернизация и вестернизация — это взаимозаменяемые понятия. Иными словами, считалось, что выстроить развитие возможно по канонам только «западной модели». Однако уже к середине XX в. эта точка зрения была опровергнута. Опыт СССР и других государств социалистического блока, а позже азиатских стран продемонстрировал, что существуют иные, отличные от «западной модели» универсальные способы обеспечить социальный прогресс: «советская (коммунистическая)» и «азиатская (девелопменталистская)» модели развития.

«Западная модель» зиждется на представлении, что развитие невозможно без экономических и политических свобод. Условия свободного рынка побуждают повышать производительность труда, чтобы максимизировать прибыль. В свою очередь, стремление к прибыли в конкурентной среде толкает технологический прогресс и создает базу для экономического роста, основанного на инновациях. В политике конкурентность мотивирует инкумбента удовлетворять интересы избирателей, демонстрируя политическую и управленческую эффективность, чтобы переизбраться. «Западную модель» отождествляют с концепцией «Вашингтонского консенсуса» — набором рекомендаций для реформирования экономики по западному образцу: через шоковые рыночные реформы, международную открытость, либерализацию финансовой сферы и внешней торговли, защиту частной собственности [Williamson, 2002]. «Вашингтонский консенсус» (а также в его лице — идею об универсальности «западной модели») часто критикуют за то, что он не подходит развивающимся странам и существуют лишь считанные примеры того, когда «западные» принципы помогли создать успешное развитое государство с нуля. Хотя тезис об абсолютной универсальности и безальтернативности «западной модели» развития действительно является дискуссионным, возможность и имеющиеся примеры ее репликации не вызывают сомнений. Так, страны англосаксонского мира и Западной Европы много десятилетий придерживаются «западной модели» развития, а страны Центральной Европы небезуспешно воспроизвели ее в конце XX в.

«Советская (или коммунистическая) модель» представляет собой альтернативу «западному (капиталистическому)» пути развития. При такой модели в ядре политического процесса всегда стоит коммунистическая партия, а широкое политическое участие граждан ограничено. В экономике «советская модель» предполагает закрытость и автаркизм. Рыночные отношения значительно ограничены и компенсируются централизованным государственным планированием с высокой долей капитальных инвестиций в тяжелую промышленность. При этом централизаторский и мобилизационный характер часто отмечается как преимущество «советской модели», потому что в короткой перспективе он может способствовать достижению «больших национальных целей», например форсированная индустриализация в СССР в 1930-х годах. Большинство исследователей видят в «советской модели» неспособность обеспечить устойчивое развитие в долгосрочной перспективе¹. Из-за ограниченности рыночных свобод тормозится развитие инноваций, а в условиях ограниченной политической конкуренции падает качество управленческих решений. Главным подтверждением этого тезиса является то, что почти все страны «социалистического блока» приняли «западную модель развития» в конце XX в. Те же страны, которые сохраняют «советскую модель» в неизменном виде (например, Куба и КНДР), отстают от западных государств по большинству показателей жизни. Тем не менее универсальность «советской модели» также не вызывает сомнений. Во второй половине XX в. более трети государств мира выстраивали свое развитие по «советским» ка-

¹ Здесь, например, долгосрочная неэффективность «советской модели» демонстрируется на примере сталинского СССР [Cheremukhin, 2013].

нонам. В их число входили КНР, Вьетнам, страны Восточной Европы, Куба, КНДР.

Помимо «западной» и «советской» моделей развития в последние десятилетия политологи также выделяют «девелопменталистскую» (или «азиатскую»¹). В широкий научный оборот этот термин ввел Ч. Джонсон для привлечения внимания к тому, как при развитии Японии сильная дирижистская функция государства сочеталась с рыночной экономикой [Johnson, 1982]. Позже А. Лефтвич использовал этот термин, чтобы провести параллель между принципами развития Японии и модернизационными стратегиями Южной Кореи, Тайваня и Сингапура [Leftwich, 1995]. А. Лефтвич выделяет следующие характеристики «азиатской модели»: инициативная элита и сильная бюрократия, слабое и подчиненное гражданское общество, экономический дирижизм и финансовые репрессии², экспортно ориентированное производство и международная открытость, догоняющее развитие и заимствование технологий.

Научно-академическое сообщество о существовании «китайской модели» развития

На фоне роста Китая как глобальной державы многие начали говорить о появлении уникальной «китайской модели» развития. В научный мейнстрим этот термин ввел Дж. Рамо в 2004 г. в своей книге «Пекинский консенсус» [Ramo, 2004]. Рамо выделил три основных принципа, которые отличают «китайскую модель» от «Вашингтонского консенсуса»: во-первых, приверженность инновационному развитию и экспериментам; во-вторых, приоритизация социального равенства и устойчивого роста; в-третьих, национальное самоопределение — независимый политический курс и финансовая автономность.

Концепцию «Пекинского консенсуса» обоснованно критикуют за абстрактность и избыточную комплиментарность в отношении КНР. Э. Экономидис справедливо указывает, что инновационно ориентированный рост и социальное равенство вряд ли можно назвать главными принципами развития КНР, особенно в первое десятилетие XXI в., когда Дж. Рамо выдвинул свою концепцию [Economidis, 2020]. С. Кеннеди [Kennedy, 2010] и С. Ортман [Ortmann, 2012] отмечают, что этот термин часто используют не для того, чтобы выделить составляющие «китайского чуда», но чтобы противопоставить китайский опыт «дискредитировавшему себя либерализму» [Kennedy, 2010].

О «китайской модели» также рассуждают и российские китаеведы. А. Виноградов считает, что «в начале XXI в. в Китае сложилась общественная система, которая, структурно отличаясь от западной, стремится быть адекватной требованиям современного мира» [Виноградов, 2010]. А. Лукин говорит об уникально-

¹ Интересно, что сама Япония заимствовала основы этой модели у кайзеровской Германии в конце XIX в., подробнее см. [Studwell, 2014, p. 73].

² Финансовые репрессии — политика государства, направленная на перераспределение денежных средств в пользу государственного бюджета путем регулирования финансового сектора, снижение кредитных ставок, валютного контроля и т. д.

сти китайского опыта в цивилизационном смысле [А. Лукин, 2021; 2023], а рассматривая политические аспекты «китайской модели», отмечает, что «китайский политический эксперимент заслуживает пристального изучения и отхода от западоцентристских клише».

Среди китайских ученых оживленная дискуссия о «китайской модели» развития началась незадолго после начала рыночных реформ. Во второй половине 1980-х годов была популярна теория «нового авторитаризма», которая предполагала, что для поддержания стабильности в реформируемом государстве необходима просвещенная авторитарная власть, способная продвигать изменения [Ma Shuyun, 1990]. Сторонники этой концепции Ван Хунин, Ву Цзясян и Чжан Бинцзю рассматривали неоавторитарную «китайскую модель» в качестве переходного этапа между традиционным и современным обществом. Анализируя более современные взгляды исследователей из КНР относительно «китайской модели» развития, российский китаист Я. Бергер разделяет их на условные три группы [Бергер, 2009]: представители первой считают, что «китайская модель» — это модель, которая впитала в себя передовой опыт западных стран и обогатила его национальными особенностями [Yu Keping, 2006; Pang Wei, 2009]; представители второй — что «китайская модель» пока не может претендовать на глобальную значимость, хотя отдельные ее моменты могут быть полезны для изучения [Zhang Weiwei, 2008, 2011; Li Peilin, 2021]; представители третьей полностью отрицают западный опыт и говорят, что «китайская модель» уникальна и представляет качественно иной путь к развитию [Zhang Weiwei, 2018; Huang Ping, 2022].

Исследователи, придерживающиеся даже диаметрально противоположных мнений относительно самобытности и характеристик «китайской модели», признают, что ее стержнем являются авторитаризм и рыночная экономика. Однако, несмотря на то что подобные оценки стали общим местом, их недостаточно, чтобы понять ее суть и ответить на вопрос о ее уникальности и универсальности.

«Китайская модель» модернизации в официальном дискурсе КНР

Риторика о самобытности китайских подходов (например, к революционной борьбе или госуправлению) в той или иной мере всегда была присуща официальному дискурсу в современном Китае. Так, еще в годы гражданской войны, когда КПК сделала ставку на крестьянство, а не на рабочий класс в качестве главной движущей силы революции, Мао Цзэдун объяснял отступление от традиционных марксистско-ленинских догм необходимостью приспособлять идеологию к реалиям китайского общества и провозгласил это «китайским марксизмом» [Мао Цзэдун, 1953]. Схожим образом на начальном этапе эпохи реформ Дэн Сяопин сформулировал концепцию «социализма с китайской спецификой», для того чтобы идеологически оправдать переход к рыночной экономике. Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, будучи генеральными секретарями, также неоднократно го-

ворили о достижениях Компартии в «китаизации марксизма» [Jiang Zemin, 2001; Hu Jintao, 2008].

Наряду с этим высшее руководство КНР до недавнего времени не продвигало идею о том, что «китайская модель» — универсальный пример для других стран¹. Так, например, в 2011 г. премьер Вэнь Цзябао заявлял, что «путь развития, который выбрал Китай, обусловлен его национальной спецификой. Китайский опыт развития все еще требует изучения, и мы никогда не рассматривали его в качестве модели развития» [Wen Jia Bao zong li ji zhe hui yu lu...]. Напротив, всю свою историю китайская Компартия последовательно придерживалась тезиса, что в развитии необходимо учитывать национальные условия и следовать своему пути.

Лишь в последние годы ситуация начала меняться. В 2021 г. газета «Жэньминь Жибао» и другие партийные издания выпустили серию материалов о «китайской модели модернизации»². В октябре 2022 г. Си Цзиньпин упомянул эту концепцию в своем докладе 20-му съезду КПК [Full text of the report to the 20th National Congress...]. После этого нарратив об уникальности «китайской модели» стал закрепляться в официальном дискурсе КНР — Си стал часто говорить о «китайской модели модернизации» на встречах с иностранными лидерами³, представители «мозговых центров» подробно рассуждают об этом в партийных изданиях [Qiu Haiping, 2022], а диппредставительства КНР⁴ и китайские СМИ на иностранных языках [Китайская модернизация..., 2022] синхронно распространяют тематические материалы за рубежом.

В феврале 2023 г. Си Цзиньпин произнес установочную речь о «китайской модели модернизации» на семинаре для руководящих партийных работников — сегодня выступление остается наиболее подробным высказыванием китайского лидера по этой теме [Xi Jin Ping zai xue...]. В ней Си отвергает тождественность понятий «модернизация» и «вестернизация» и ставит под сомнение тезис о том, что «модель развития» в принципе может быть универсальной: «модернизация государства должна не только следовать общим принципам модернизации, но

¹ Здесь можно возразить, вспомнив о маоизме, чьи установки послужили идейно-политической основой для национально-освободительных движений в некоторых странах третьего мира (например, в Бирме, Камбодже, Индии, в Латинской Америке и т. д.). Тем не менее за пределами КНР «Идеи Мао Цзэдуна» получили распространение только в части революционной борьбы, а не применительно к госуправлению и развитию.

² На китайском эта концепция звучит “中国式现代化”, букв. — «модернизация китайского типа». На английском — Chinese-Style Modernisation. На русском языке (в том числе в заявлениях официальных лиц КНР и китайских СМИ) чаще встречается перевод «китайская модель модернизации».

³ Например, на встрече с канцлером ФРГ [President Xi Jinping Meets...], в совместном заявлении по итогам переговоров с премьер-министром Камбоджи [Joint Statement between the People's Republic of China and the Kingdom of Cambodia...], в Сианьской декларации по итогам саммита Китай—Центральная Азия [Xi'an Declaration of the China — Central Asia Summit...].

⁴ Так, например, в ноябре и декабре 2022 г. авторские колонки в местных СМИ о «китайской модели модернизации» публиковали Генеральный консул во Владивостоке [Янфань, 2022], Посол КНР в Узбекистане [Авторская статья Посла КНР в Республике Узбекистан...], Посол КНР в Южной Африке [Chen, 2022] и др. Материалы транслируют тезисы Си Цзиньпина, которые вошли в доклад XX съезду КПК.

и соответствовать национальной специфике, иметь собственные особенности». Си Цзиньпин подчеркивает, что Китай представляет собой «человеческую цивилизацию нового типа». Российский востоковед А. Лукин видит в этом принятие китайским руководством «теории множественности цивилизаций, развивающихся различными путями, которая исторически возникла как критика европоцентристских моделей развития» [Лукин, 2015].

В понимании Си Цзиньпина «китайская модель модернизации» обладает пятью особенностями [Full text of the report to the 20th National Congress...]:

- «она охватывает огромное население», что определяет ее беспрецедентность и сложность реализации;
- она нацелена на «всеобщее процветание» — сокращение социальных разрывов и ликвидацию нищеты;
- она предполагает баланс между «материальным и духовным» — развитие не только материальной базы, но и передовой мысли;
- она стремится к «гармонии человека и природы» — устойчивому потреблению природных ресурсов и экологичности;
- она осуществляется «по пути мирного развития».

Одновременно Си Цзиньпин повторяет и развивает свою идею о глобальной значимости опыта «китайской модернизации»: «[Китай] предлагает новое решение для развивающихся стран, которые находятся в поисках лучшего социального устройства». Примечательно, что этим Си косвенно противоречит своей мысли, что универсальных способов модернизации не бывает в принципе.

Противоречивость и абстрактность официальной концепции «китайской модели модернизации» дают основания полагать, что руководство и идеологи КНР пока не сформулировали до конца ее содержательное наполнение. Как верно отмечают китаисты И. Денисов и И. Зуенко, «идеологемы в КНР, как правило, туманны и условны» — во многом это происходит из-за того, что сначала принимается рамочная концепция, которая получает содержание в ходе последующих многоступенчатых обсуждений внутри партии и в «мозговых центрах» [Денисов, Зуенко, 2022]. Если КНР намерена использовать «китайскую модель модернизации» в качестве флагманского инструмента своей «дискурсивной силы», вполне вероятно, что со временем эта концепция приобретет большую стройность. По мнению А. Лукина, сама идея о том, что китайский опыт более совершенен, «оставляет место для желания популяризировать его вне страны, по крайней мере путем усиленной пропаганды» [Лукин, 2023].

Сейчас дискурсу КНР и КПК о «китайской модели» свойственна та же проблема, что научно-академическому, — официальные заявления и трактовки не формулируют комплекса конкретных институциональных решений для развития (в отличие, например, от «Вашингтонского консенсуса»), которые позволили бы считать китайский опыт самобытным и возможным для тиражирования. Концепцию «китайской модели модернизации» в трактовке Си Цзиньпина можно скорее назвать сводом идеальных стратегических ориентиров для КНР, но никак не руководством к развитию для других государств, которое отражало бы опыт модернизации КНР.

Отдельные институциональные составляющие «китайской модели» в китайском и зарубежном дискурсе

В ядре китайского подхода к развитию — партократичность. В докладе Си Цзиньпина 20-му съезду подчеркивается: «На протяжении более 100 лет именно КПК задавала правильное направление модернизации Китая, ставила цели борьбы и открывала пути развития, соответствующие реалиям страны» [Full text of the report to the 20th National Congress...]. Китаеведы также признают, что КПК, организованная на ленинских принципах, является абсолютным центром принятия решений в КНР: она пронизывает и интегрирует все органы власти, определяя стратегическую повестку и кадровые назначения [Heilmann, 2016, p. 310].

Говоря о политическом режиме КНР, подавляющая часть западных исследователей, а также индексов развития демократии определяют Китай как «несвободную» страну¹ [Countries and Territories, 2022] и автократию [Polity IV Country Report 2010: China, 2021]: в стране не проводятся конкурентные выборы, деятельность политической оппозиции последовательно подавляется, информационное и интернет-пространство находится под жестким контролем государства. Вместе с этим примечательно, что даже западные исследователи часто рассматривают авторитарность в качестве преимущества «китайской модели» государственного управления [Mitter, 2020]. КНР способна в короткие сроки мобилизовать неограниченные человеческие и материальные ресурсы для ответа на острые кризисы — наиболее ярко это проявилось на начальном этапе пандемии коронавируса, когда Китай задавил вспышку внутри своих границ в течение двух месяцев². Российский китаист Виноградов верно подчеркивает, что институционализация мобилизации сделала ее неотъемлемым механизмом китайского развития [2010].

При этом, несмотря на высокую репрессивность, китайская политическая система отличается развитыми консультативными институтами и высокой способностью к кооптации. Так, о необходимости следовать «линии масс» — поддерживать контакт с гражданами — руководители китайской Компартии говорят с первых лет ее существования. Американский политолог Р. Труекс в своих работах делает вывод, что китайская власть использует представительные органы на

¹ Ни один из сравнительных индексов развития демократии не является абсолютно объективным или свободным от политической ангажированности. При этом индексы Freedom House и особенно Polity IV построены на прозрачной стандартизированной методологии. Индекс свободы, публикуемый Freedom House, присваивает государствам количественный показатель от 1 (наибольшая степень свободы) до 7 (наименьшая степень свободы), оценивая конкурентность избирательного процесса, уровень политического представительства основных социальных групп, степень свободы слова, печати, религии и т. д. Методология индекса Polity IV основана на количественном измерении трех институциональных характеристик: особенности рекрутирования политических элит, развитости системы сдержек и противовесов для исполнительной власти, степени конкурентности и инклюзивности политического процесса. Индекс Polity IV присваивает политическим режимам сводный балл от -10 (наследственная монархия) до +10 (консолидированная демократия).

² Рассматривая мобилизационный подход в качестве одного из инструментов развития КНР, также важно помнить о его минусах — затратности и инерционности. Тяжелые социальные и экономические последствия стратегии «нулевой терпимости к коронавирусу» отчетливо иллюстрируют этот тезис.

местах¹, чтобы аккумулировать беспокойства и запросы граждан по «нечувствительным вопросам» (например, городское благоустройство, образование, местное регулирование) [2016]. Р. Труекс называет эту особенность китайской политической системы «представительством в пределах допустимых границ». Немецкий китаист С. Хейлман также обращает внимание на то, что китайское руководство в значительной степени опирается на ресурс научной экспертизы и аналитических центров при принятии решений, и называет китайский режим «экспертократией» [Heilmann, 2016].

Еще одна важная особенность системы управления в КНР, которая позволяет под другим углом взглянуть на авторитарность «китайской модели», — стремление внедрять масштабные изменения поэтапно, методом проб и ошибок. Архитектор китайских реформ Дэн Сяопин описывал этот подход метафорой «переходить реку, нащупывая камни». Несовершенные или устаревшие институты не разрушаются до основания, а постепенно трансформируются². Во многом с помощью этого подхода удается преодолевать политико-идеологическую инерцию, не допуская коллапса государственно-партийной вертикали. До сих пор он активно применяется в самых разных сферах: при разработке законодательства, выработке технологической и экономической политики.

Меритократия часто называется в качестве одной из ключевых черт «китайской модели» — об этом говорят как китайские исследователи [Zhang, 2011], так и западные [Bell, 2016]. Канадский политолог Д. Белл считает, что демократические выборы на местном уровне и дальнейшее продвижение на основе управленческих успехов значительно повышают качество китайских элит. По его мнению, такая практика позволяет руководителям на низовом уровне оставаться подотчетными избирателям, в то время как национальные лидеры, продвигаемые наверх на основе компетенций, принимают сложные решения, обеспечивая стабильность и избегая популизма. В Китае с начала эпохи реформ действительно действует система оценки руководящих кадров. Она призвана направлять деятельность управленцев на основе широкого спектра количественных показателей для достижения целей национальной политики. Наличие такой системы, по мнению российского китаевода И. Зуенко, мотивирует чиновников удовлетворять ожидания центрального правительства, чтобы строить карьеру³.

До недавнего времени налаженные механизмы коллективного руководства и сменяемости власти в КНР также считались одной из черт «китайской модели» развития. В соответствии с нормами, действовавшими в Китае с начала эпохи реформ, одно «поколение лидеров» не могло задерживаться в высших эшелонах власти более двух пятилетних политических циклов, а пожилые руководители (старше 68 лет) — получить место в Политбюро КПК, де-факто центре принятия решений в Китае. Состав будущего «поколения лидеров» отбирается в ходе ши-

¹ Провинциальные и местные собрания народных представителей.

² Примером может служить планомерная трансформация политики национальностей при Си Цзиньпине [Шевченко, 2021].

³ В среднем срок нахождения на руководящей должности составляет 3—5 лет при оптимальном развитии карьеры [Зуенко, 2022, с. 60].

роких консультаций внутри элиты, а ключевые фигуры переводятся на высокие посты для получения опыта за несколько лет до своего назначения на главные руководящие должности. Американский китаист Э. Нэйтан называет институционализированные нормы передачи власти ключевым фактором устойчивости китайского авторитаризма, поскольку именно они во многом обеспечивали ритмичность и гладкость политического процесса в последние 40 лет [Nathan, 2003]. Российский востоковед А. Лукин также подчеркивает, что такой порядок «более устойчив и стабилен, чем прежнее единоличное правление [в эпоху Мао Цзэдуна], которое вызывало многочисленные кризисы из-за прихотей и экзотических планов вождя» [Лукин, 2015].

В экономике КНР сильное присутствие государства соседствует с кипящей рыночной средой. Такой уклад руководство КНР называет «социалистической рыночной экономикой». Как и в политике, Компартия определяет долгосрочный экономический вектор. Стратегические отрасли экономики (40 % от ВВП) — энергетика, тяжелая и оборонная промышленность, телекоммуникации — заняты госпредприятиями¹. В финансовой сфере доминируют госбанки, с помощью которых государство кредитует мегастройки и субсидирует международную экспансию производителей из числа «национальных чемпионов». Одновременно Пекин ограничивает вывод капитала и держит низкими ставки по депозитным вкладам, чтобы доходы граждан возвращались в экономику, а не копились на счетах или выводились за рубеж. Каждые пять лет Китай принимает экономический план, где собраны все ориентиры для экономического развития.

Вместе с тем переход от командной экономики к рыночной стал одним из главных драйверов развития Китая — рыночная конкуренция высвободила продуктивные силы китайского общества. Чтобы проиллюстрировать вклад частного сектора в китайскую экономику, часто используется формула 60/70/80/90: на него приходится 60 % ВВП, 70 % инновационных разработок, 80 % занятости среди горожан и 90 % экспортируемых товаров и услуг.

Другой драйвер китайской модернизации — последовательный курс на открытость внешнему миру. С 1970-х годов, когда КНР нормализовала отношения с западными странами и азиатскими соседями, ее товарооборот умножился в 300 раз и в 2021 г. составлял 6 трлн долл.². Аналогичным образом объем прямых иностранных инвестиций, не дотягивавший до отметки в миллиард в начале 1980-х годов, по итогам 2022 г. насчитывал 190 млрд долл.³. Ориентация промышленности на экспорт и особенно вступление в ВТО поставили китайские производства перед лицом ожесточенной международной конкуренции, что при-

¹ How Much Do State-Owned Enterprises Contribute to China's GDP and Employment // The World Bank, 2022. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/449701565248091726/how-much-do-state-owned-enterprises-contribute-to-china-s-gdp-and-employment> (accessed: 12.12.2022).

² 2021: China's foreign trade volume hits record high of \$6.05 trillion // CGTN, 2022. URL: <https://news.cgtn.com/news/2022-01-14/China-s-foreign-trade-volume-exceeds-6-trillion-in-2021-16OeLZ3dr6U/index.html>

³ China's FDI up 8 % in 2022, continuing upward trend for three consecutive years // Global Times, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1284004.shtml>

вело к значительному прогрессу в производительности труда и улучшению в нормативно-правовой базе. Наконец, благодаря международной открытости Китая впитывает передовые интеллектуальные ресурсы. Компании из развитых стран, которые открывают в КНР совместные предприятия, рано или поздно передают КНР технологии. А сами китайские власти много десятилетий поощряли обучение своих граждан в европейских и американских вузах, чтобы по их возвращении сформировать высококвалифицированные научные школы [Кузнецова, Машкина, 2020]. Так, в конце 2010-х годов ученые, обучавшиеся за границей, руководили 70 % ключевых исследовательских проектов в Китае.

Заключение

В большинстве работ о «китайской модели» развития ее ключевым элементом признается сочетание сильной авторитарной власти и рыночной экономики. Такое утверждение может служить отправной точкой для анализа, однако его недостаточно для полного понимания возможностей воспроизвести опыт модернизации КНР в других государствах.

Значительное число интерпретаций «китайской модели» развития остаются идеологически заряженными и противоречат не только друг другу, но и самим себе — эта проблема свойственна не только научно-академическим кругам, но и официальному дискурсу КНР. Часто дискуссии о «китайской модели» направлены на противопоставление опыта КНР нелиберальным установкам «Вашингтонского консенсуса», а не на ее критический анализ.

Сейчас официальному дискурсу КНР и КПК о «китайской модели» свойственна та же проблема, что научно-академическому, — официальные заявления и трактовки не формулируют комплекса конкретных институциональных решений для развития (например, в отличие от «Вашингтонского консенсуса»), которые позволили бы считать китайский опыт самобытным и возможным для тиражирования. Концепцию «китайской модели модернизации» в нынешней официальной трактовке можно скорее назвать сводом идеальных стратегических ориентиров для КНР, но никак не руководством к развитию для других государств, которое бы полностью отражало принципы модернизации КНР. Так, например, «всеобщее процветание» и «гармония между человеком и природой», которые декларируются в числе особенностей «китайской модели модернизации», — это программные установки последних лет правления Си Цзиньпина. Однако в действительности социальное равенство и экологичность вряд ли можно назвать принципами «китайского экономического чуда».

По мнению автора, китайский подход к развитию пока рано называть «моделью». Во-первых, он не открывает качественно иного пути к развитию и не является самобытным. Опыт китайской модернизации скорее является оригинальной компиляцией методик «советской» и «азиатской» моделей: сильное государство-партия и экспортно ориентированная рыночная экономика, которая опирается на заимствованные технологии.

Во-вторых, опыт модернизации КНР не универсален — его невозможно воспроизвести без объективного политического, социально-экономического и тер-

риториального капитала, которым обладает только КНР. Такая точка зрения находит отражение не только в работах западных исследователей [Naughton, 2010], но и среди китайских исследователей, включая Чжан Вэйвэя, одного из крупнейших апологетов «китайской модели» [Zhang Weiwei, 2018]. Он отмечает, что «китайская модель — это модель мегаусловий: меганаселение, мегатерритория, мегаистория».

Так, к ключевым невоспроизводимым преимуществам Китая в период «экономического чуда» можно причислить:

- демографический дивиденд — колоссальную численность молодого трудоспособного населения, обеспечившего 15 % экономического роста КНР в период с 1982 по 2000 г. [Wang, 2005]. Сегодня демографию Китая также считают уникальным преимуществом для развития цифровых технологий за счет того, что полтора миллиарда китайцев генерируют исключительные объемы больших данных, которые критически важны для машинного обучения систем искусственного интеллекта;

- высокую долю сельского населения¹, до сих пор гарантирующую приток дешевой рабочей силы, что, в свою очередь, является ключевым фактором для локализации в Китае производств из развитых стран, а вместе с ним — притока технологий;

- благоприятную внешнюю среду или «период важных стратегических возможностей», связанный с концом советско-американского противостояния и приверженностью США и развитых западных стран стратегии «вовлечения»²;

- масштабы КНР³, которые открывают уникальный мобилизационный ресурс и предоставляют простор для апробации преобразований без одномоментного слома всей системы управления, чтобы впоследствии поэтапно масштабировать наиболее эффективную из них.

Сегодня можно наблюдать, что, по мере того как Китай теряет эти объективные драйверы роста — главным образом демографический дивиденд из-за быстрого старения населения и дешевую рабочую силу из-за урбанизации и роста благосостояния, — ослабевает и потенциал для развития.

Тем не менее отдельные практики китайской модернизации действительно могут послужить примером для других государств. Например, поэтапные структурные изменения, соответствующие национальной специфике, вероятно, одна из таких практик. Кроме того, опыт китайской Компартии — хороший урок того, как формализованные структуры и процессы (в том числе обновления власти) даже в глубоко недемократической среде способствуют стабильности и выживаемости режима. И наконец, противопоставляя китайскую модель модернизации

¹ В 1978 г. доля сельского населения составляла 80 %, в 2019 г. — 40 %.

² Стратегия выборочного «вовлечения» (engagement) предполагает расширение торгово-экономического взаимодействия с Китаем, для того чтобы стимулировать его мирное развитие и демократизацию. Получила популярность среди политического эстеблишмента США в 1990—2000-х годах.

³ Отдельные провинции (например, Гуандун, Чжэцзян, Шаньдун и т. д.), где размеры населения и экономики могут превосходить аналогичные характеристики многих суверенных государств.

западной, не следует забывать, что последовательный курс Китая на международную открытость и мирное развитие в последние 40 лет подтверждает два принципиальных тезиса. Устойчивое развитие никакого общества невозможно, во-первых, в оторванности от развитых рынков и, во-вторых, в конфронтации с внешним миром.

Библиографический список

Авторская статья Посла КНР в Республике Узбекистан г-жи Цзян Янь «Расшифруем код китайской модели модернизации, совместно воспользуемся возможностями развития» // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Узбекистан, 2022. URL: http://uz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgsd/202211/t20221125_10981132.htm (дата обращения: 28.12.2022).

Бергер Я. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73—81.

Виноградов А.В. Китайская модернизация в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 104—120.

Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022. 24 с.

Зуенко И.Ю. «Кадры решают всё»: реформа кадровой системы КНР на рубеже 1980—1990-х годов // Известия Восточного института. 2022. № 1 (53). С. 58—69.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). Международные отношения, 2015. С. 792.

Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе // Российское китаеведение. 2023. № 2. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/825569227.pdf>

Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-sistema-sovremennogo-kitaya-i-tipologiya-kommunisticheskikh-rezhimov> (дата обращения: 01.05.2023).

Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния // Сравнительная политика. 2020. 11 (2). С. 139—150.

Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 2. М.: Пекин: Издательство иностранной литературы, 1953. С. 364.

Пяо Я. Китайская модель модернизации создает новую форму человеческой цивилизации // Авторская колонка генерального консула КНР во Владивостоке Пяо Янфань в ИА PrimaMedia, 2022. URL: <https://primamedia.ru/news/1407874/> (дата обращения: 28.12.2022).

Шевченко Я.Н. От советских автономий к единой нации. Как устроена национальная политика Си Цзиньпина // Московский центр Карнеги, 2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85190> (дата обращения: 15.12.2022).

References

Avtorskaya stat'ya Posla KNR v Respublike Uzbekistan g-zhi Czyan YAn' «Rasshifruem kod kitajskoj modeli modernizacii, sovместno vospol'zuemysya vozmozhnostyami razvitiya» [Author's article by the Ambassador of the People's Republic of China to the Republic of Uzbekistan Ms. Jiang Yan “Let's decipher the code of the Chinese model of modernization, jointly take advantage of development opportunities”] // Posol'stvo Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Respublike Uzbekistan, 2022. URL: http://uz.china-embassy.gov.cn/rus/sgxx/sgsd/202211/t20221125_10981132.htm (In Russian).

Berger, Ya. Kitajskaya model' razvitiya [Chinese Development Model] // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. № 9. S. 73—81. (In Russian).

Denisov, I.E., Zuenko I.Yu. Ot myagkoj sily k diskursivnoj sile: novye ideologemy vneshnej politiki KNR [From Soft Power to Discursive Power: New Ideologies of PRC Foreign Policy]. M.: MGIMO-Universitet, 2022. 24 s. (In Russian).

Kuznetsova, V.V., Mashkina O.A., Globalizatsiya kitajskogo vyshego obrazovaniya kak factor geopoliticheskogo vliyaniya [Globalization of China's Higher Education as a factor of China's geopolitical role] // Sravnitel'naya politologiya. 2020. 11 (2). P. 139—150. (In Russian).

Lukin, A.V. Kontseptsii "kitayizatsii marksizma", "novoy formy chelovecheskoj tsivilizatsii" i "gosudarstva-tsvivilizatsii" v sovremennom kitayskom ideologicheskom diskurse (Concepts of 'Sinicization of Marxism', 'New Form of Human Civilization' and 'Civilization-State' in Modern Chinese Ideological Discourse" in Russian China Studies) // Rossiyskoe kitaevdenie. 2023. № 2. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/825569227.pdf> (In Russian).

Lukin A.V. Politicheskaya sistema sovremennogo Kitaya i tipologiya kommunisticheskikh rezhimov (The Political System of Modern China and the Typology of Communist Regimes) // Sravnitel'naya politika. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-sistema-sovremennogo-kitaya-i-tipologiya-kommunisticheskikh-rezhimov> (In Russian).

Lukin, A.V. Vozvyshayushchiysya Kitay i budushchee Rossii: Raboty o Kitae i rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh (Rising China and the Future of Russia (Works on China and Russian-Chinese Relations). Mezhdunarodnye otnosheniya, 2015. P. 792. (In Russian).

Mao, Zedong. Izbranniye Proizvedeniya, Tom 2. (Selected Works, Volume 2). Moscow, Beijing: Izdatelstvo Innostrannoy Literaturi. 1953. P. 364. (In Russian).

Modernizatsiya s kitajskoj spetsifikoj yavlyaetsya "zhemchuzhinoj v sokrovishchnice razvitiya chelovecheskoj tsivilizatsii" — rossijskij vostokoved [Modernization with Chinese Characteristics is a "Pearl in the Treasury of the Development of Human Civilization" — Russian Orientalist] // Sin'hua, 2022. URL: <https://russian.news.cn/20230219/1e4d96c4efc442e4bad0a228676b9b4a/c.html> (In Russian).

Piao, Yangfan. Kitajskaya model' modernizatsii sozdaet novuyu formu chelovecheskoj tsivilizatsii [The Chinese model of modernization creates a new form of human civilization] // Avtorskaya kolonka general'nogo konsula KNR vo Vladivostoke Pyao YAnfan' v IA PrimaMedia, 2022. URL: <https://primamedia.ru/news/1407874/> (In Russian).

Vinogradov A.V. Kitajskaya modernizatsiya v sravnitel'noj perspektive [Chinese Modernization in Comparative Perspective] // Sravnitel'naya politika. 2010. № 1. S. 104—120. (In Russian).

Zuenko I.Yu. "Kadry reshayut vsyo": reforma kadrovoj sistemy KNR na rubezhe 1980—1990-h godov ["Cadres decide everything": the reform of the personnel system of the PRC at the turn of the 1980—1990s] // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2022. № 1 (53). S. 58—69. (In Russian).

* * *

Bell, D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. Princeton. : Princeton University Press, 2016. 360 p.

Chen, X. Chinese modernisation offers humanity a new choice for achieving modernization // Independent Online, 2022. URL: <https://www.iol.co.za/pretoria-news/news/chinese-modernisation-offers-humanity-a-new-choice-for-achieving-modernisation-61008936-716c-4d86-b1fc-b34cbe9d1785> (accessed: 24.12.2022).

Cheremukhin, A. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? // National Bureau of Economic Research, 2013. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w19425/w19425.pdf (accessed: 12.12.2022).

Countries and Territories. Non-governmental organization Freedom House, 2022. URL: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (accessed: 12.12.2022).

Economy, E.C. Exporting the China Model // Council on Foreign Relations, 2020. URL: [https://www.uscc.gov/sites/default/files/testimonies/USCCTestimony3-13-20%20\(Elizabeth%20Economy\)_justified.pdf](https://www.uscc.gov/sites/default/files/testimonies/USCCTestimony3-13-20%20(Elizabeth%20Economy)_justified.pdf) (accessed: 12.12.2022).

Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/202210/t20221025_10791908.html (accessed: 01.11.2022).

Heilmann, S. China's Political System. Lanham. : Rowman & Littlefield Publishers, 2016. 552 p.

Hu, Jintao 胡锦涛 Ba makesi zhuyi tong makesi zhuyi zhongguo hua jiehe 把马克思主义同马克思主义中国化结合 [Hu Jintao: Combining Marxism with Sinification of Marxism]. URL:<http://news.cctv.com/china/20081218/104662.shtml> (accessed: 01.04.2023).

Huang, Ping 黄平 Xiandaixing weixing yu zhongguoxing jiangou 现代性危机与中国性建构 (The crisis of modernity and the construction of Chineseness) // Institute of European Studies of Chinese Academy of Social Science, 2022: http://ies.cass.cn/cn/work/comment/202204/t20220428_5406270.shtml

Jiang, Zemin 江泽民. Jiang zemin zai qingzhu gongchandang gongchengli 80 zhounian dahuishang de jianghua 江泽民在庆祝中共成立80周年大会上的讲话 [Speech by Jiang Zemin at the Celebration of the 80th Anniversary of the Founding of the Communist Party of China]. URL: <https://www.chinanews.com.cn/2001-07-02/26/101847.html> (accessed: 01.04.2023).

Johnson, Ch. MITI and the Japanese Miracle the Growth of Industrial Policy, 1925—1975. Redwood City. : Stanford University Press, 1982. 412 p.

Joint Statement between the People's Republic of China and the Kingdom of Cambodia on Building a China-Cambodia Community with a Shared Future in the New Era. URL: http://english.scio.gov.cn/topnews/2023-02/13/content_85102645.htm (accessed: 24.12.2022).

Kennedy, S. The Myth of the Beijing Consensus // Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19, № 65. Pp. 461—477.

Leftwich, A. Bringing politics back in: Towards a model of the developmental state // The Journal of Development Studies. 1995. Vol. 31, № 3. P. 400—427.

Li, Peilin 李培林. Zhongguo xiandaihua he xinfazhanshehuixue 中国式现代化和新发展社会学. [Chinese-style modernization and new development sociology] // Chinese Social Sciences 中国社会科学. 2021.12. URL: http://myy.cssn.cn/rdpl/202202/t20220208_5391814.shtml

Ma, Shuyun. The Rise and Fall of Neo-Authoritarianism in China // China Information. 1990. 5(3). P. 1—18.

Mitter, R. China and the attractions of authoritarianism: How the country has been hurt by Covid-19 // The New Statesman, 2020. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/observations/2020/05/china-and-attractions-authoritarianism> (accessed 12.12.2022)

Nathan, A.J. China's Changing of the Guard: Authoritarian Resilience // Journal of Democracy. 2003. Vol. 14, № 1. Pp. 6—17.

Naughton, B. China's Distinctive System: can it be a model for others? // Journal of Contemporary China. 2010. Vol. 19, № 65. Pp. 437—460.

Ortmann, S. The 'Beijing consensus' and the 'Singapore model': unmasking the myth of an alternative authoritarian state-capitalist model // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2012. Vol. 10, № 4. Pp. 337—359.

Pang, Wei 潘维. Zhongguo Moshi Yu Xinjiapo 中国模式与新加坡 [The Chinese model and Singapore] // Dongya Lunwen 68. 2009. Pp. 1—19.

Polity IV Country Report 2010: China // Systemic Page, 2021. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/China2010.pdf> (accessed: 12.12.2022).

President Xi Jinping Meets with German Chancellor Olaf Scholz. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202211/t20221104_10800546.html (accessed 24.12.2022)

Qiu, Haiping 邱海平. Zhong guo shi xian dai hua li lun ji qi zhong da yi yi 中国式现代化理论及其重大意义 [Chinese Style Modernization Theory and Its Significance], 2022. URL: <http://dangjian.people.com.cn/n1/2022/1206/c117092-32581438.html> (accessed: 24.12.2022).

- Ramo, J.C. The Beijing Consensus. UK.: The Foreign Policy Centre, 2004. 79 p.
- Studwell, J. How Asia Works. NY.: Grove Press, 2014. 400 p.
- Truex, R. Making Autocracy Work. Princeton University: 2016. 213 p.
- Wang, W. Adapting Marxism to the Chinese Context: A Glorious Chapter in CPC's Hundred-Year History // Qiushi Journal, 2021. URL: http://en.qstheory.cn/2021-09/08/c_657826.htm (accessed: 22.12.2022).
- Wen Jia Bao zong li ji zhe hui yu lu: wo ying gai xiang yi ge zhan shi yi yang 温家宝总理记者会语录：我应该像一个战士一样 [Quotations from Premier Wen Jiabao's press conference: I should act like a soldier]. URL: <https://news.sina.com.cn/o/2011-03-14/124522111913.shtml> (accessed: 23.12.2022).
- Williamson, J. What Washington Means by Policy Reform // Peterson Institute for International Economics, 2002. URL: <https://www.piie.com/commentary/speeches-papers/what-washington-means-policy-reform> (accessed: 18.12.2022).
- Xi Jin Ping zai xue xi guan che dang de er shi da jing shen yan tao ban kai ban shi shang fa biao zhong yao jiang hua qiang diao 习近平在学习贯彻党的二十大精神研讨班开班式上发表重要讲话强调 [Xi Jinping delivered an important speech at the opening ceremony of the seminar on studying and implementing the spirit of the 20th National Congress of the Communist Party of China]. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2023/0208/c1024-32619522.html> (accessed: 10.02.2023).
- Xi'an Declaration of the China-Central Asia Summit. URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/05/20/xian-declaration-of-the-china-central-asia-summit/> (accessed: 20.05.2023)
- Yu, Keping 俞可平. Zhong guo mo shi yu "Beijing gong shi" 中国模式与“北京共识” [The Chinese Model and the “Beijing Consensus”]. Beijing: Social Science Literature Publishing House, 2006. 434 p.
- Zhang, Weiwei 张维. Zhongguo moshi “zui buhuaide moshi” 中国模式是“最不坏”的模式 [Chinese model isn't the worst model]. URL: <http://www.71.cn/2011/0930/629907.shtml> (accessed: 02.02.2023).
- Zhang, Weiwei 张维为. Zhongguo zhen han: yi ge wen ming xing guo jia de jue qi 中国震撼：一个文明型国家的崛起 [China Shocked: The Rise of a Civilized State]. Beijing: China Intercontinental Press, 2017. 244 p.
- Zhang, Weiwei. Guanyu Zhongguo fazhanmoshi de sikao 关于中国发展模式的思考. [Thoughts about the Chinese development model]. URL: <http://www.aisixiang.com/data/17472.html> (accessed: 02.02.2023).

Поступила в редакцию: 12.04.2023. Received: 12 April 2023.

Принята к публикации: 03.06.2023. Accepted: 3 June 2023.